

— Получше бы брату сочинить: «Сто футов книжной башни, одним прыжком рассею тысячу тревог», и повесим её взамен этой!

Вдруг раздался мягкий голос:

— На парных надписях вырезано десять рун, они связаны с защитной формацией башни, всё же лучше не трогать их бездумно, чтобы не пострадать.

Все оглянулись и увидели под распутившимся персиковым деревом молодого книжника в небесно-голубом традиционном халате с прямой застёжкой. Его чёрные волосы были собраны и завязаны белоснежной головной повязкой ученого. Он приветливо улыбался, и от одного взгляда на него веяло весенним теплом.

Он был без академической формы — не студент, а для столь юного возраста вряд ли наставник. Пожалуй, один из распорядителей, ведающих свитками в башне. Тот самый старший соученик сделал два шага вперёд и почтительно поклонился:

— Приветствую вас, почтенный. Позвольте узнать ваше имя?

Заметив, что собеседник обладает мягким и благородным нравом, он проникся к нему симпатией и захотел познакомиться.

Тот не стал уклоняться и принял поклон, по-прежнему говоря мягко и учтиво:

— Не стоит. Моя фамилия Ху, а личное имя — Син, второе имя — Ичжи.

С этими словами он шагнул в башню и в мгновение ока скрылся из виду.

Позади него поднялся шум, началась суматоха. Все бросились поднимать рухнувшего на колени старшего соученика:

— Старший брат, что ты сказал, говори громче, зам, зам кого?!

— Старший брат, что с тобой, очнись же!

— На помощь, беда!

Много лет спустя этот старший соученик любил бахвалиться перед детьми и внуками: Самым захватывающим событием в моей жизни было заявить прямо в лицо заместителю ректора Академии Наньюань, что я собираюсь сорвать написанные им парные надписи.

Молодой книжник уверенной поступью неспешно поднялся на четвёртый этаж.

Язык в этом свитке был изысканным, а содержание — неясным, так что Чэн Цяньжэню чтение давалось с трудом. Он сомневался, не одолжить ли Чжулю сначала что-нибудь попроще, но в то же время думал, что нельзя судить о сообразительности Чжулю по меркам своего собственного заурядного ума.

Он закрыл книгу, устало потирая переносицу, и вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд.

Чэн Цяньжэнь обернулся и, заметив знакомого, слегка кивнул. Книжник ответил ему улыбкой.

Строго говоря, они были не сказать чтобы знакомы — в конце концов, именами они не обменивались, просто встретились в библиотечной башне и немного поболтали. Собеседник, похоже, служил здесь распорядителем, отлично знал, где лежат книги всех категорий, и даже пару раз помогал ему отыскать нужное.

Оба молчали. Молодой книжник стоял у соседнего с Чэн Цяньжэнем книжного шкафа и неизвестно что оттуда снял.

— Всякий раз, когда гадают о небесных предзнаменованиях, не разделяя на суть и применение, следует рассматривать все гексаграммы и подробно выводить пять стихий... — Чэн Цяньжэнь снова погрузился в чтение главы, но в голове у него зашумело, и он был вынужден с горечью признать, что природного таланта к постижению у него маловато. Всё же он решил сначала взять книгу напроём и дать Чжулю попробовать разобраться.

На каждом этаже библиотечной башне имелось место для выдачи книг.

Под лестницей в юго-восточном углу стоял столик с загнутыми вверх краями, покрытый чёрным лаком. На нём аккуратно стопками лежали восемь толстых свитков, а за столом, скрестив ноги, сидела женщина и углубленно читала свиток.

На ней была чёрная форма распорядителя академии, а тёмные волосы были завязаны в простой пучок, сколотый наискосок чёрной деревянной шпилькой. Хотя точный возраст определить было трудно, по густой сетке мелких морщинок в уголках глаз мудрено не догадаться, что она давно уже не молода.

И тем не менее эта потерявшая юность и лишённая яркой красоты женщина, тихо сидевшая в тени библиотечной башни, почему-то вызывала в памяти четыре иероглифа: «красный рукав расточает аромат».

Чэн Цяньжэнь почтительно поклонился и протянул вперёд книгу вместе с памятной биркой Внутреннего двора Наньшань:

— Прошу прощения за беспокойство, я бы хотел взять эту книгу напроем.

Женщина взяла её, бегло просмотрела и неторопливо произвела:

— Искусство Перемен Цветка Сливы... Эту книгу читают немногие, во всей башне всего два экземпляра. Реплику вчера уже кто-то забрал, а у тебя в руках оригинал. Плата за вынос оригинала на сутки — десять лянов. Берёшь?

Чэн Цяньжэнь в тот же миг остолбенел. Десять, десять лянов — это слишком дорого. Он брал книги целый год, но впервые столкнулся с тем, за что требуют плату.

Женщина, похоже, заметила его затруднения:

— Ладно, давай я посмотрю, кто вчера взял копию. Если ты с ним знаком, можешь одолжить у него.

Чэн Цяньжэнь торопливо сложил руки перед грудью:

— Будьте добры.

Говорила, что поищет, но даже не стала листать свитки — лишь закрыла глаза, слегка нахмурив тонкие брови, и мгновение спустя снова открыла их:

— Линь Дучжи из Внутреннего двора Наньшань, ты знаком с ним?

Природный дар к постижению, глава списка Наньшань — светоч литературы на грядущем Турнире двух академий, разве можно не знать такого человека? Чэн Цяньжэнь и сам не ожидал, что его список книг совпадеёт со списком этого академического гения.

Хотя Чэн Цяньжэнь никогда не видел Линь Дучжи лично, он наслышался о том, насколько тот холоден нравом и как презирает пустые разговоры. Ему оставалось лишь удрученно вздохнуть:

— Не знаком.

Испытывая некоторое разочарование, он тихо спросил:

— Нельзя ли чуточку скинуть... Я возьму всего на одну ночь, завтра же утром верну. Пять, пять лянов?

Красивая женщина вздохнула и с нежностью посмотрела на него:

— Глупый мальчик, это тебе не капуста на западном рынке, академия — место, где существуют правила.

Чэн Цяньжэнь и раньше не раз подвергался насмешкам за свою бережливость, но никогда не обращал на это внимания. Однако сейчас под таким материнским взглядом он вдруг вспыхнул, поспешно извинился и уже хотел вернуть книгу на место.

— Пусть запишет в долг, я за него ручаюсь.

Этот чистый и звучный голос прозвучал как музыка. Оглянувшись, он увидел того самого молодого книжника, который неизвестно когда появился у него за спиной.

Женщина бросила на книжника взгляд, открыла один из свитков, отыскала имя Ху Ичжи, и её лицо переменялось. Прежний мягкий тон мгновенно стал суровым:

— Ты за него ручаешься? Твой собственный долг за книги уже достиг ста лянов. Согласно правилам академии, наставники могут брать в долг максимум до восьмидесяти лянов, когда ты наконец вернёшь?!

Молодой книжник опустил голову и потёр нос:

— На днях проиграл в цэчжу. В следующем месяце верну, обязательно верну.

Женщина холодно усмехнулась, не проявляя ни капли вежливости:

— Статус не может стоять выше правил, такие люди, как ты, — истинная опухоль академии!

Поворот событий был столь стремительным, что Чэн Цяньжэнь даже не успел поблагодарить книжника и отдать ему должное уважение, как того уже отчитали на чём свет стоит.

У книжника оказался поистине золотой характер — он лишь беспомощно улыбнулся Чэн Цяньжэню:

— Ступай пока почитай книги вон там, а с этим я разберусь.

Убедившись, что Чэн Цяньжэнь отошёл, молодой книжник понизил голос:

— Саньнян, при студентах оставь мне хоть каплю лица. Ручаюсь перед тобой пожизненной репутацией и великим характером заместителя ректора — в следующем месяце непременно верну долг.

Женщина яростно ударила ладонью по столу и сокрушенно произнесла:

— Всевышний предок даосэ, да почему ты берёшься ручаться тем, чего у тебя отродясь не было?!

О чём именно они договорились, осталось неясным, но, когда книжник вернулся, вид у него был виноватый:

— Прости, не вышло.

Чэн Цяньжэнь с благодарностью улыбнулся и почтительно поклонился ему:

— Ничего страшного, большое вам спасибо.

Учитывая, что собеседник был ровесником самого Чэн Цяньжэня и наверняка устроился распорядителем всего пару лет назад, было вполне естественно, что он не смог ничего решить. К тому же они были случайными попутчиками, и то, что тот вообще заступился за него, уже делало ему огромную честь.

Взгляд книжника упал на лежащую в руках у Чэн Цяньжэня книгу:

— Берёшь эту книгу, чтобы изучать искусство предсказания?

Библиотечная башня в конце концов была достоянием академии Наньюань, и Чэн Цяньжэню было неловко признаваться, что он постоянно берёт книги для чтения тем, кто находится за её пределами:

— Просто хочу ознакомиться, но мне самому не осилить, боюсь, не смогу изучить.

Книжник стоял у окна, и чистый свет ранневесеннего солнца покрывал его мягким сиянием. Он произнёс:

— Я научу тебя.

Чэн Цяньжэнь только и мечтал о том, чтобы кто-нибудь ему всё растолковал, ведь тогда он сможет рассказать об этом Чжулю, и искренне попросил:

— Прошу, наставьте меня.

Книжник бросил взгляд на заок... на улицу и неторопливо начал:

— Весна уходит, осень приходит, созвездия вращаются по кругу, цветок распускается и увядает, цикада рождается и умирает — всё в этом мире подчинено законам. Учение Дао и есть сумма всех законов...

— Люди исследуют законы всего сущего и познают этот мир — это и есть постижение Дао. Использование этих законов для укрепления себя — это практика.

— Чтобы исследовать законы, смотреть одними глазами и думать головой бесполезно. Вот почему боевые практики изо дня в день машут мечами, а духовные практики без устали складывают закликательные печати. Существуют ли помимо этого другие способы постижения Дао? Разумеется, существуют — вычисления.

В глазах Чэн Цяньжэня мелькнул огонёк.

— В ту самую секунду, когда мы с тобой беседуем, сколько частиц космической пыли кружится среди звёздных рек? Если бы время остановилось, и я перенёс тебя на девять небес выше, чтобы пересчитать их по одной — пройди хоть тысяча, хоть десять тысяч лет, — их всё равно удалось бы сосчитать. До тех пор, пока у вещи есть предел, её можно вычислить. Посему гласит правило: «Всё сущее имеет предел, и всё заключено в законах». Это и есть основа предсказания.

— Искусство предсказания — это познание законов Дао посредством предельных вычислений.

Книжник на мгновение умолк:

— Таково содержание предисловия к этой книге. Ну а теперь скажи, каковы твои впечатления?

Все знания Чэн Цяньжэня о практике были почерпнуты из слухов и сплетен; доводилось ли ему прежде слышать, чтобы кто-то столь ясно и понятно растолковывал ему всё это по порядку?

Это потрясение было сродни внезапно поднявшемуся легкому ветерку, который разгоняет стелющийся перед глазами туман: тайная магия вдруг обрела объяснение с точки зрения научной логики.

Спустя мгновение он пришёл в себя и искренне восхитился:

— Невероятно. Тот, кто создал искусство предсказания, поистине велик.

Книжник улыбнулся:

— Предельные вычисления. Хочешь научиться?

Чэн Цяньжэнь покачал головой:

— Хотя это и поразительно, но идёт вразрез с моим мировоззрением. Если не можешь принять что-то душой, как претворять это в жизнь, как выучить толком? Как достичь единства знания и действия?

Книжник пробормотал:

— Мировоззрением?

Чэн Цяньжэнь внезапно испугался, но внешне остался невозмутим:

— Подслушал где-то, пожалуй, выдуманное словцо: взгляд на жизнь, взгляд на ценности и взгляд на мир называют вместе тремя взглядами.

Не то чтобы он был неосторожен — прежде он проговаривался этим словом только перед Чжулю и двумя своими приятелями. Просто манера держаться у человека напротив была слишком мягкой, словно мартовский весенний ветерок, несущий животворящий дождь. Она заставляла невольно расслабиться, вызывая желание выболтать всё на свете.

К счастью, книжник не стал допытываться насчет нового термина:

— Это истина, признанная мудрецами древности. С тех пор как человечество постигло практику, всё всегда было именно так. Ты что же, не веришь?

Чэн Цяньжэнь подумал: собеседник так долго и старался ради него, объясняя всё это, и из вежливости ему следовало бы кивнуть и согласиться.

Но, глядя в эти ясные и спокойные глаза, он почему-то понял, что лгать стало слишком трудно, и произнёс:

— Простите, я не верю. Раз так было всегда, значит ли это, что это правильно?

Ведь само его появление в этом мире уже нарушило высший закон между небом и землёй — закон жизни и смерти.

К чему тогда слова «Всё сущее имеет предел, и всё заключено в законах»?

Иными словами, он сам был брешью в законах этого мира.

Книжник, однако, вовсе не рассердился:

— Не за что извиняться, мне по душе такое суждение. Приходи завтра снова, я принесу тебе экземпляр «Искусства Перемен Цветка Сливы». Время уже позднее, пора обедать.

Оставалось только гадать, что именно ему пришлось по душе — упомянутые «три взгляда» или это «неверие».

Стоило книжнику умолкнуть, как с крыши библиотечной башни донёлся низкий и размеренный колокольный звон. Здесь действовала звукоизолирующая формация, так что внешнего колокольного звона было не слышно, и время определяли исключительно по ударам колокола внутри башни.

Чэн Цяньжэнь лишь теперь сообразил, как долго проболтал с этим человеком. Он вновь поклонился в знак благодарности. Книжник не стал отказываться, бросил на прощанье «до встречи» и повернулся, направляясь на верхний этаж.

Попрощавшись с добрым молодым распорядителем, Чэн Цяньжэнь вернул книгу на место и перед уходом из башни перекинулся пара слов с женщиной из отдела выдачи.

Выслушав наставления и решив вопрос с книгой, он пребывал в приподнятом настроении и лёгкой поступью спешил к восточным воротам. На пути с занятий по-прежнему было шумно илюдно, но сам он был полон энтузиазма, всю дорогу любовался цветами и пейзажами, а мысли его витали где-то далеко.

Вчера после полудня он купил на западном рынке карпа и курицу, а сегодня спозаранку почистил рыбу и замариновал куриное мясо. Так что в обед Чжулю, скорее всего, приготовит рыбный суп и жареную курицу?

Была еще та неприятность, о которой Гу Эр успел рассказать лишь наполовину. Да и пусть, что бы там ни было — придут солдаты, отразим щитами, придут воды, засыпем плотиной.

Пышные цветы провожали его взглядом, ивы оведал восточный ветерок, колыхая тонкую ткань его ученого платья.

Сколько бы ни было забот у юноши, юность всё равно прекрасна.

В уединенном конце переулкa Чэн Чжулю стоял у ворот двора, поджидая брата к обеду.

Ещё на востоке они отличались какой-то нездоровой одержимостью едой. В конце концов, кто мог знать, какой приём пищи окажется последним.

Позже один из демонических родов был изгнан из Снежных Земель и хлынул вдоль реки Цанцзян в окрестности заставы Байсюэ, то и дело пробираясь в деревни и селения, чтобы грабить и убивать. Жизнь на востоке становилась всё более беспокойной.

Перед уходом из дома Чэн Цяньжэнь всегда подробно объяснял Чжулю: что он будет делать, куда отправится и во сколько самое позднее вернётся. Если время выйдет, а я так и не вернусь, собирай вещи и беги в горы. Хотя собирать-то было особо нечего.

Чэн Чжулю послушно соглашался на словах и даже приготовил узелок с пожитками. А в душе думал: если ты вляпаешься в историю и подохнешь где-нибудь там, я в горах всё равно долго не протяну, так лучше пойду искать тебя. Успею нашинковать пару врагов — и то хорошо; даже если не удастся вытащить тебя живым, сдохнуть вместе с тобой без лишних мучений всяко лучше, чем жить и маяться хуже смерти.

Когда Чэн Цяньжэнь обнаружил в нём столь опасные мысли, он провёл воспитательную беседу, и Чэн Чжулю тут же покорно дал обещание.

Чэн Цяньжэнь слишком хорошо его знал: если тот соглашается слишком быстро, значит, всё равно сделает по-своему. Пришлось уговаривать с другого боку: даже если в один прекрасный день я умру, ты должен изо всех сил цепляться за жизнь, чтобы потом, когда наберёшься сил, суметь отомстить за меня и вернуть мне долг, дабы я мог спокойно улыбнуться под землёй, верно?

На этот раз Чэн Чжулю немного помолчал и медленно произнёс: ты прав, я не могу умирать.

Чэн Цяньжэнь вздохнул с облегчением, подумав про себя: теперь-то понимает, что умирать нельзя, и славно. Позже они покинут восток, мальчик окажется в благоприятной обстановке и получит правильное воспитание, поймёт ценность жизни, и многие его взгляды естественным образом изменятся.

Шёл уже второй год их пребывания в Наньяне, и всё шло к лучшему, но Чэн Цяньжэнь так и не заметил, что жизненная позиция его младшего брата на самом деле почти не изменилась.

Иначе с чего бы тому упорно стоять у дверей каждый день в ожидании его возвращения?

Раз уж хозяин всё ещё стоял снаружи, двое гостевых едоков сочли неудобным садиться за стол первыми и тоже вышли поклоняться.

Неизвестно чьё дерево вяза раскинуло свои густые ветви, перекинувшись через стену и радуя глаз сочной зеленью.

Сюй Жань сорвала листочек и принялась просвещать Гу Сюэцзяна, человека совершенно несведущего в жизненных нуждах:

— Смотри-ка, это можно использовать как лекарство, а можно и есть. В детстве моя матушка лепила пельмени с начинкой из яиц и креветок, добавляя туда немного толчёных побегов вяза. Получалось нежно, освежающе и хрустяще-сладковато — вкус просто бесподобный.

Второму Гу это показалось диковинным, и он тоже сорвал листочек:

— В книгах встречалось лишь: «На чашах и тарелках каша из рисовой муки холодит весенним светом, у беседок и прудов побеги вяза свежи от ночного дождя» — знал, что из них можно варить кашу, а оказывается, ими ещё и пельмени начиняют.

Оба развлекались вовсю.

Такая картина заставила вошедшего в переулок Чэн Цяньжэня изрядно изумиться:

— Вы чего тут все стоите? Заходите в дом, обедать пора.

И это они еще пускали слюнки на древесный лист с горящими от жадности глазами?

Второй Гу на мгновение опешил, а затем вдруг заговорил фальцетом:

— Сударь, все мы ждали вашего возвращения.

Сюй Жань наградила Гу вторым взглядом, в котором отчётливо читалось: «да у тебя с головой не всё в порядке».

— Брат, ты вернулся. Пойдём, поедим.

Чжулю вышел из-за их спин и с улыбкой потянул его за руку, заставив Чэн Цяньжэня испытать глубокое умиление: эх, во всём доме лишь один младший брат и остался нормальным человеком.

Главными блюдами в полдень были тушеная в соевом соусе рыба кусочками и курица в соленом рассоле.

После обеда подали рыбный суп — молочно-белый бульон, багряные ягоды годжи, нежный и скользящий тофу, ярко-зеленые полоски лука. От этого питья человека изнутри наполняло полнейшим умиротворением.

Пока Чэн Чжулю ушёл ставить воду для чая, Гу Сюэцзян принялся сокрушаться, обращаясь к Чэн Цяньжэню:

— Как же ты воспитал этого ребенка... У меня есть племянник, в год моего отъезда из дома ему исполнилось девять, он ровесник Чжулю, но и наполовину не так рассудителен, как Чжулю. Настоящий разбойник, из-за которого его отец только и делает, что разгребает завалы.

Чэн Цяньжэнь с горечью подумал: всё потому, что у брата Чжулю нет за душой ничего особенного, он не может защитить его от шалостей, вот тому и приходится быть рассудительным.

Впрочем, кое-какие секреты воспитания у братца Чэна всё же имелись.

— На самом деле учить особо нечему. Ребенок — чистый лист: хочешь, чтобы он был прилежным хотя бы на треть, будь сам прилежен на все десять, хочешь, чтобы он рос стойким и дисциплинированным — сначала сам испробуй тягот и лишений. Он смотрит на то, как поступаешь ты, и повторяет твои поступки.

Он вспомнил, как подобрал Чжулю: тогда ему показалось, что он подобрал немного, и он целыми днями молил хотя бы о звуке. А когда тот заговорил, первыми его словами были «твою мать». Чэн Цяньжэнь так испугался, что палочки для еды с стуком выпали из рук: «Ты умеешь говорить? Скажи ещё раз!»

Чэн Чжулю: «Нима».

Чэн Цяньжэнь: «...»

С того самого дня старший брат глубоко уяснил важность личного примера, раз и навсегда избавился от ругательств, сопровождавших его целых две жизни, и превратился в добропорядочного, культурного юношу, отвечающего всем требованиям.

Жаль только, что в присутствии двух друзей-подельников он порой всё же не мог сдержаться, из-за чего они научились пикироваться фразами вроде «тупица» или «идиот».

Второй Гу вздохнул, дослушав рассказ:

— Похоже, моего племянника уже не исправить... — он повернулся к Сюй Жань и с улыбкой спросил: — Ты встретила сегодня того младшего соученика?

Сюй Жань занервничала от его улыбки:

— Нет, наверное, он не пришёл. А что такое?

— Подумай-ка получше, неужели никто не нёс меч Линьшуан?

Сюй Жань честно ответила:

— Был один, я подошла спросить, но он сказал, что нет. Хотя меч, который при нём был,

думается мне, тоже копия.

У Чэн Цяньжэня зародилось дурное предчувствие — он уже примерно догадывался, о какой неприятности говорил Второй Гу.

Сегодня, пока Сюй Жань встречала новеньких, молодой господин Гу околачивался неподалёку, покуривая трубку.

Сюй Жань преградила путь юноше с отрешённым выражением лица и сложила руки перед грудью:

— Я Сюй Жань из Академии Циншань, позвольте осведомиться, не младший ли вы соученик Чжун?

Стоявший рядом с юношей молодой господин в роскошном шелковом наряде внезапно выступил вперёд и произнёс, едва сдерживая гнев:

— Ты глазами смотреть умеешь? Какое положение занимает Чжун Тяньюй, у него же естественным образом выдающийся нрав, он выше любых богатств!

Сюй Жань закивала ему:

— О, я поняла. — И снова повернулась к юноше: — Так этот младший соученик — ты в конце концов Чжун Тяньюй или нет?

Отрешенный юноша ответил:

— Я не...

Сюй Жань снова сложила руки:

— Прошу прощения, побеспокоила.

Сказав это, она удалилась широким шагом, не оглядываясь.

Когда Гу Сюэцзян пересказал всё это Чэн Цяньжэню, Сюй Жань наконец сообразила, что ошиблась человеком.

— Но при нём же был меч Линьшуан! Мы, боевые практики, не расстаёмся со своим оружием, разве тут можно ошибиться?

Молодой господин Гу изволил заметить:

— Конечно можно, это же был просто слуга, который носил для него меч. В знатных семьях таких называют мечниками-слугами, а в сектах — мальчиками для ношения мечей, уяснила?

Сюй Жань смутно припомнила, что вроде бы действительно слышала о чём-то подобном:

— Боже мой, сколько же у вас в столице всякой заморочки.

Она попыталась сделать последнюю попытку спасти положение:

— ...Но разве в академии не запрещено приводить слуг?

— Если бы семья Чжун не смогла отыскать даже одного слугу, способного поступить в Академию Наньюань, им стоило бы пораньше вычеркнуть себя из списка четырех знатных родов.

Сюй Жань бросила взгляд на Чэн Цяньжэня, а Чэн Цяньжэнь посмотрел на неё сочувственным взглядом.

Она почувствовала раздражение:

— Не встретила так не встретила, из-за такой мелочи неужто что-то случится?

— Конечно, мелочь. Но у людей из его семьи есть дурная привычка — отвечать ударом на каждый укол. В его глазах ты не просто ошиблась человеком — ты его оскорбила.

Сюй Жань остолбенела от такой логики:

— Мы знать друг друга не знаем, никаких обид между нами не было, с какой стати мне его оскорблять?

Молодой господин Гу неторопливо изрёк:

— Жаль только, что он думает иначе.

Сюй Жань внезапно пришла в себя:

— Гу Эр, ты же стоял рядом и видел всё! Почему ты не вышел и не поправил меня?

Гу Эр неопределённо протянул:

— Если бы вышел я, стало бы только хуже. В столице у меня с его семейкой... небольшие разногласия.

— Тогда зачем ты потом заставил меня лезть на дерево?! Ты же сказал: с высоты обзор лучше!

— А, я велел тебе забраться туда, чтобы тебя обдул ветер и в голове прояснилось.

Сюй Жань со злости хлопнула ладонью по столу:

— Сукин сын Гу Эр! Я тебя сегодня прирежу!

Чэн Цяньжэнь единым махом бросился вперед, перехватил её тянущуюся к ножу руку и во всю мочь завопил:

— Сяо Лю, иди скорее на помощь! — а сам тихонько зашептал ей на ухо: — Старшая Сюй, умерь гнев, чего ты связываешься с ненормальным.

Чэн Чжулю выбежал из дома и, как к чему-то привычному, прижал её вторую руку. Вдвоём они с трудом оттащили её в сторону.

Сюй Жань сникла, выругала Гу Эра ещё пару раз и толкнула дверь на выход.

Молодой господин Гу цыкнул языком:

— Тьфу ты, а ведь условились, что сегодня она моет посуду, не держит слово.

Чэн Цяньжэнь чувствовал себя полностью истощенным физически и морально, а потому принялся выталкивать гостя к выходу:

— И ты тоже вали давай, сегодня мыть буду я.

<http://bllate.org/book/21041/2140651>